

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXX
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ. ВОСТОЧНЫЙ ГИНДУКУШ

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»
1998

ШАХ ЗАМАН — ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР АФГАНИСТАНА

Летом 1809 г. английскому посланнику ко двору афганского шаха Шуджа ул-Мулка, сэру Монстюарту Эльфинстону, довелось встретиться в Равалпинди с человеком, равно познавшим блеск настоящего величия и боль настоящего поражения, последним из трех великих императоров династии Дуррани — Шах Заманом. «Он был в простом платье, — писал впоследствии Эльфинстон, — в белого цвета халате, отделанном персидской парчой, и в черном шалевом тюрбане; при этом вид у него был вполне королевский. Когда я его увидел, ему было около сорока. У него были тонкие черты лица, изящный облик. Голосом и манерами он сильно напоминал шаха Шуджа; но был выше ростом, менее кругл и более красив на лицо, с более солидной бородою. Конечно, его внешность была внешностью слепца; но хотя глаза его были полностью изувечены, они сохранили свой черный цвет в той мере, чтобы придавать живость выражению его лица; и он всегда поворачивал их в сторону своего собеседника. Впрочем, на лице его лежала некая печать уныния и меланхолии...» [Elphinstone, vol. 1, p. 104].

А всего шестнадцать лет назад двадцатипятилетний царевич Шах Заман (после воцарения два эти имени поменяются местами; также его называли Мухаммад Заман или Заман-мирза) мчался не переводя дыхания в сторону Джелалабада из Кабула, владельцем которого, по распоряжению царственного отца, являлся в последнее время. В пути он загнал двух коней, чтобы успеть повидать умирающего отца, известие о болезни которого застало его врасплох. Когда же отец и сын встретились в местечке Чахар Баг, как пишет автор «Тарих-и Султани» Султан Мухаммад-хан, «Тимур-шах с огромной нежностью // принял его в объятия сострадания и милостиво пожаловал ему одну из своих лучших скаковых лошадей с золотой упряжью» [ТС, с. 160—161]. После этого они вместе двинулись в сторону Кабула, где седьмого шавваля 1207 г. (19 мая 1793 г.) Тимур-шах скончался.

Причина спешки принца Замана заключалась не только в желании последний раз обнять благоволившего к нему родителя, но и в чрезвычайно сложной ситуации, сложившейся в Дурранийской династии с вопросом о престолонаследии. После смерти Тимур-шаха сразу

несколько его сыновей, назначенных в свое время правителями (наместниками) отдельных провинций империи, заявили о своих претензиях на трон. В семье как династии не было равным счетом никакого согласия. Ревность и соперничество отпрысков полигамного брака («Тарих-и Султани» и вслед за ней «Сирадж ат-таварих» приводят имена двадцати четырех *шахзада*, а Азизуддин Вакили Фуфалзайи — тридцати четырех царевичей [ТШД, т. 1, с. 34]) имели столь глубокие корни и так дышали ненавистью, что скоро стала очевидной вся безнадежность какого-либо согласия или мирного урегулирования среди них. Четверо из сыновей Тимур-шаха выдвинулись как активные и наиболее явные кандидаты на трон. Старший сын — «Принц Кандагарский», шахзада Хумайун, наместник Кандагара (столицы его великого деда Ахмад-шаха), — чьей матерью была дочь одного из Садозайских ¹ *сардаров* ², в начале царствования Тимур-шаха, вступившего на престол в 1773 г., рассматривался как наследник престола и в то время из всех царевичей пользовался наибольшим почетом. За ним стояло право первородства и поддержка части кандагарского населения. Второй сын — «Принц Гератский», шахзада Султан Махмуд, будущий Махмуд-шах, бывший владельцем Герата, где он жил вместе со своим единоутробным братом Фирузудином, — вероятно, рассчитывал на поддержку Баракзаев ³, соплеменников своей матери. Шахзада Аббас, сын дочери Шах Пасандхана Исхакзая и племянник Мадад-хана Исхакзая ⁴, последние годы жизни отца провел в качестве наместника Пешавара (= «Принц Пешаварский»). Его претензии на престол поддерживались почти всеми младшими царевичами, за исключением юного Шуджа ул-Мулка (ему в 1793 г. было не более 11 лет), болевшего за своего родного брата (اعيانى برادر) — «Принца Кабульского», *Шах Замана* (их мать была юсуфзайкой) ⁵.

Возможно, Заман был *четвертым* по старшинству среди сыновей (после Хумайуна, Махмуда и «ушедшего в безвестности» Ахмада: такова его позиция в списке «Тарих-и Султани», повторенном «Сирадж ат-таварих». При этом в тексте «Тарих-и Султани» Заман назван *третьим* сыном»: [شہزادہ زمان پسر سیم خود را... بسیار دوست داشتمی] [ТС, с. 160; СТ, с. 44]. В наиболее пространном списке А. Вакили Фуфалзайи, где царевичи сгруппированы по принципу «единоутробности», Заман *седьмой* — после Аббаса, но раньше Ахмада [ТШД, т. 1, с. 34]. В. А. Ромодин и П. Сайкс в своих обобщающих трудах по истории Афганистана называют его *пятым* сыном второго дурранийского падишаха [Ромодин, с. 143; Sykes, p. 371]). Как бы то ни было, будучи лишь одним из совершеннолетних принцев, он стал падишахом. Как это произошло?

Историки расходятся в вопросе о том, был ли Шах Заман назначен престолонаследником самим Тимур-шахом. М. Эльфинстон писал: «К моменту кончины Тимур-шаха в отношении престолонаследия ничего не было устроено. Сам он имени наследника не назвал» [Elphinstone, vol. 2, p. 307]. Этого же мнения придерживается С. К. Риштия [Риштия, с. 33]. П. Сайкс говорит о всеобщем «диком волнении» (wild excitement) по поводу того, кто из многочисленных сыновей покойного шаха будет избран на царство [Sykes, p. 370]. А. А. Кухзад особо отмечает, что в отличие от Тимур-шаха, не оста-

вившего имени наследника престола, эмир Дост Мухаммад-хан, имевший столь же великое число сыновей, был озабочен этим вопросом и дважды объявлял имя наследника [Kohzad, p. 173].

Однако существует и иная точка зрения. Приведенная выше цитата из «Тарих-и Султани» заканчивается следующими словами: «...[а шахзада Замана, своего третьего сына, которого очень любил], он поставил в Кабуле как наследника престола (بولیعهدی)». Автору «Тарих-и Султани» вторит Файз Мухаммад: «Принц Заман, наследник престола (ولیعهد), проживал в стольном граде Кабуле...» [СТ, с. 44]. Азизуддин В. Фуфалзайи считает «мудрое избрание» принца Шах Замана престолонаследником (*вали'ахд*) одним из наиболее положительных деяний Тимур-шаха и посвящает целую главу своего труда рассмотрению этого вопроса. Он пишет: «*Вали'ахд* — лицо, которое падишах еще при жизни, своей собственной волей, назначает своим преемником. Престолонаследником избирается один из старших по возрасту и наиболее выдающихся царевичей, пользующийся доверием шаха». И далее: «Тимур-шах... вознамерился обязательно избрать наследником престола и своим преемником такого из своих деятельных и энергичных сыновей, кто со всех точек зрения был бы достоин стать государем. Из 34 сыновей он выбрал шахзада Шах Замана, унаследовавшего нрав и характер как великого Ахмад-шаха, так и самого Тимур-шаха, для того, чтобы он защитил честь (ناموس) афганского государства» [ТШД, т. 1, с. 262]. По выражению Азизуддина В. Фуфалзайи, к концу царствования Тимур-шаха стало ясно, что «из царевича Шах Замана вырастает один из наиболее выдающихся талантов династии Ахмад-шаха» [Там же].

«Тарих-и Султани», а затем и «Сирадж ат-таварих» подкрепляют идею избранничества Шах Замана легендой о том, как смертельно больной Тимур-шах рассказывает склонившимся у его изголовья принцу Заману и кази Файзулле приснившийся ему сон: «Я видел, как некто, подойдя, снял царский убор и императорский венец с моей головы и возложил (گذاشتند) на голову Заман-шаха» [ТС, с. 161]. «Сирадж ат-таварих»: «Подшли несколько человек, сняли царскую корону с моего темени и возложили на голову того из моих сыновей, который здесь присутствует» [СТ, с. 44]. Несоответствие единственного числа подлежащего и множественного числа сказуемого в вышеприведенной фразе из своего источника автор «Сирадж ат-таварих» корректирует разъяснением «Подшли несколько человек...» не случайно. Тем самым он дает понять, что Тимур-шаху «посоветовали» остановить выбор на самом способном и энергичном из сыновей. Имена этих «советчиков» (а в случае если наследник объявлен не был, имена тех, кто организовал избрание Замана падишахом) известны. Они перечисляются в самом начале 15 главы «Тарих-и Султани», посвященной правлению Шах Замана, и в начале соответствующей главы «Сирадж ат-таварих»: кази Файзулла-хан Даулатшахи, сардар Паинда-хан Баракзай, имеющий *лакаб* Сарафраз-хан⁶, Нур Мухаммад Амин ул-Мулк Бабури⁷, мулла Абдул-гафар-хан Джадид-ул-ислам, Фатхулла-хан Садозай Мултани, Ахтар Мухаммад-хан Нурзай, Амир Аслан-хан Джаваншир и Джафар-хан Кызылбаш («Тарих-и Султани»: «Джафар-хан-и Парси», то есть «перс») ⁸.

По сообщению «Сирадж ат-таварих», названные эмиры, среди которых мы видим и паштунских вождей, и религиозных авторитетов, и лидеров персоязычного населения Кабула, первоначально скрыли факт смерти шаха и пригласили в кабульскую цитадель Бала Хисар якобы от его имени «придворных вельмож и военных командиров». Затем, заручившись их согласием (Файз Мухаммад пока не пишет, согласием на что), они похоронили шаха и провели поминки с участием царевичей. После этого они «обратились ко всем царевичам с вопросом о султанате» и несколько туманно заявили: «Вопрос царствования связан с наличием одной персоны и обусловлен тем, чтобы эта персона была принята всеми высокочтимыми — то есть как вами, так и эмирами. Так что выберите и предпочтите того из шахзада, кто справится с важнейшим делом управления государством». (При этом они подразумевали Шах Замана, что было очевидно для них, но не для принцев.) Разумеется, каждый из царевичей, «кто чувствовал себя достаточно сильным», выступил с претензией на трон. После долгих дискуссий мнение братьев склонилось в пользу принца Аббаса. Все братья, за исключением уехавшего домой Замана, отправились во дворец Аббаса, «чтобы провозгласить его султаном». Сочтя момент благоприятным, эмиры заперли ворота дворца Аббаса, где оказались все царевичи, и приставили к ним охрану в лице джаванширцев — подданных Амир Аслан-хана. «Сами же пошли к шахзада Заману... и возвели его на царствование» [СТ, с. 45]. В конце главы Файз Мухаммад отмечает «драгоценные старания сардара Паинда-хана, потраченные ради его [Шах Замана] царствования и возведения его на престол» [Там же]⁹.

Особая роль в этом деле Паинда-хана — первого министра государства и лидера влиятельного клана Баракзаев — подчеркивается многими затрагивавшими вопрос историками. П. Сайкс пишет: «Паинда-хан благоволил к Заман-мирзе... и убедил в правильности своих взглядов многих других вождей, а также лидеров кызылбашей» [Sykes, p. 371]. А. А. Кухзад: «Мало кто сомневался в том, что из сыновей Тимур-шаха Заман-шах был наиболее компетентным, чтобы управлять страной своих отцов. Это прекрасно понимали мудрые и опытные люди, такие как сардар Паинда-хан, кази Файзулла-хан, мулла Абдулгфар-хан... (любопытно, что из числа известных по «Тарих-и Султани» и «Сирадж ат-таварих» имен А. А. Кухзад выбрал эти три — имена Паинда-хана и двух религиозных деятелей. — *З. Д.*). Они заранее... подготовили народ к тому, что Заман-шах займет трон своего отца. Более того, эти господа обеспечили изоляцию братьев Заман-шаха» [Kohzad, p. 9]. С. К. Риштия: «Паинда-хан, найдя его во всех отношениях самым достойным для роли государя, счел своим долгом его поддерживать. Благодаря усилиям Паинда-хана Заман-шах вступил на трон» [Риштия, с. 34]. (Один из необычных вариантов событий предлагал М. Эльфинстон, по сведениям которого, интрига, приведшая Шах Замана на престол, была затеяна «любимой королевой», фавориткой Тимур-шаха (матерью Замана?), а уж она уговорила Сарафраз-хана действовать по ее плану и с его помощью обеспечила согласие дурранийских ханов [Elphinstone, p. 308].)

Поддержка Паинда-хана стала более очевидной в дальнейшем, когда Шах Заману пришлось вести войну со старшими братьями — Хумайуном и Махмудом, — не пожелавшими смириться со своим положением. Что касается младших братьев, то все они рано или поздно согласились признать Замана султаном (по словам П. Сайкса, «после пяти дней голодного режима» [Sykes, p. 370]) и были перевезены в Бала Хисар в «нормальные условия» домашнего ареста. Лишь шахзада Шуджа ул-Мулку, единоутробному брату государя, было предписано находиться при нем неотлучно и сопровождать его во всех походах [СТ, с. 45]. Что касается принца Хумайуна, то он прислал шаху последние с категорическим отказом «опоясать талию послушания кушаком подчинения», аргументируя своим старшинством по возрасту и тем, что «Кандагарский вилайат был вверен ему его венценосным отцом» [ТС, с. 161]¹⁰. В «Зиб-и тарихха», являющемся источником, происходящим из лагеря «Принца Кандагарского», претензия Хумайуна на престол («Мой великий отец еще при жизни своей назначил меня своим исполнителем воли и опекуном братьев, сделал меня наместником могущественного государства. Теперь наследство отца достается мне») отчасти подкрепляется поддержкой дурраниев, которые «сошлись, словно муравьи и саранча», и заявили: «Мы жертвуем на стезе преданности свою дорогую жизнь кибле мира» (то есть Хумайуну) [ЗТ, с. 57—58]. Вероятно, Хумайун отдавал себе отчет в том, что не может, в силу своей непопулярности за пределами Кандагара, а также в силу вероятного «вероломства дурраниев» (ср. в [ЗТ, с. 59]: «К вашим речам с обещанием верности нет доверия») быть государем всей империи, и рассматривал вариант отделения «вверенной ему провинции» (что произошло после казни Фатх-хана в 1818 г.¹¹). Однако и Шах Заман был настроен очень решительно. Он считал себя императором, шахиншахом, наследником своего великого деда и не допускал даже мысли о развале или дроблении государства. Поэтому письмо Хумайуна возмутило его, и он немедленно выступил в сторону Кандагара с большим войском. Благодаря тому, что передовые части шахского войска находились под командованием сардара Паинда-хана, неподалеку от Калати-Гильзай именно он первым встретился с командующим авангарда противника мирахуром Мехр Али-ханом¹² и сумел «наставить его на путь подчинения Его Величеству Шах Заману» (чем подтвердил опасения Хумайуна). Принцу Хумайуну пришлось оставить Кандагар и бежать в Белуджистан к Насир-хану Балучу. Если следовать «Сирадж ат-таварих», то Кандагар был занят Шах Заманом без единой капли крови [СТ, с. 46]. Заступничество Насир-хана¹³ увело шаха от мысли о преследовании Хумайуна, и он направился к Герату, чтобы увериться в лояльности другого старшего брата — Махмуда¹⁴.

Как пишет С. К. Риштия, в знак признательности за трон и взятие Кандагара Паинда-хан был пожалован титулом сардара других племен, кроме дуррани и гильзаев, и получил «неслыханное по тому времени жалованье — 80 тыс. рупий в год» [Риштия, с. 34].

Из Кандагара Заман пошел в Герат, но в пути, как пишет Султан Мухаммад-хан, получил от Махмуда послание с выражением покорности и признанием сюзеренитета (متضمن بر اطاعت و انقياد) и вер-

нулся в Кабул (а оттуда в декабре 1793 г. — в Пешавар), «из чувства жалости» (نظر بر حوصله رحم) оставив Герат Махмуду [ТС, с. 162]. «Сирадж ат-таварих» дает такое объяснение внезапной лояльности Махмуда: этот шахзада сначала «твердо решил защищаться», то есть воевать с Шах Заманом, и пошел с войском навстречу брату, однако, уже находясь в пути, узнал о том, что оставленный им комендантом Герата Калидж-хан Теймури¹⁵, изменив ему, вступил в переговоры с шахом. И хотя, вернувшись в Герат, принц Махмуд одолел Калидж-хана и вынудил его бежать, момент был упущен, и собственные силы показались Махмуду явно недостаточными после потери отрядов Калидж-хана. Кроме того, Файз Мухаммад пишет, что Махмуд не только отправил царственному брату послание в самоуничижительных выражениях, но и лично присоединился к нему в селении Кушки Нахуд; и при личном свидании Заман оставил Герат Махмуду «из братского сочувствия и согласно обычаю, принятому среди кровных родственников» (و طريقه ذوی الارحامی) (بترحم برادری)¹⁶ [СТ, с. 46—47].

Между тем Насир-хан Балуч скончался (весной 1774), и княжеский трон в Калате стал предметом раздора (помимо сына Насир-хана Махмуд-хана претендентом оказался племянник покойного хана). Узурпировавший трон племянник, как доносили осведомители из Белуджистана, начал подстрекать укрывшегося среди белуджей шахзада Хумайуна словами: «Престол султаната [по праву] твой! Так что сплоти дурранийские племена и предприми захват Кандагара!» При известии об этом Шах Заман немедленно отправил в Белуджистан Хафиз Шер Мухаммад-хана Ашраф ул-Вузара¹⁷ с «отборным войском». При этом он приказал Ашраф ул-Вузара привезти принца ко двору (в зимнюю резиденцию шаха в Пешаваре), «любимым способом убедив того в собственной безопасности». Тому это вполне удалось, и он выехал в обратный путь вместе с «утешенным, обласканным и успокоенным» царевичем [СТ, с. 47]. Вероятнее всего, Шах Заман не строил коварных планов в отношении старшего брата, подтверждением чему является вышеописанное прошение Махмуда; если не правление каким-либо уделом, то, по крайней мере, мирная жизнь при дворе были ему обеспечены. Но гонимый честолюбием Хумайун с этого момента стал совершать поступки, чреватые разжиганием братоубийственной войны. В пути Ашраф ул-Вузара и шахзада Хумайуна сопровождал некий сейид Худадад-хан Фушенджи¹⁸. Тайком от Шер Мухаммад-хана сейид Худадад-хан предложил Хумайуну свергнуть Шах Замана, прося за свое содействие пост первого министра. (Согласно «Зиб-и тарихха», Хумайун заранее был предупрежден, что сейид Худадад является его сторонником [ЗТ, с. 105].) Хумайун согласился. Узнав об этом, Ашраф ул-Вузара тут же списался с Шах Заманом и, под благовидным предлогом покинув заговорщиков, поспешил в Пешавар. А те двое, «прежде лишь грезившие о чаше с вином своего желания, теперь ощутили его вкус во рту», созвали окрестный народ, собрали кое-какое войско¹⁹ и «обратили лицо враждебности в сторону Кандагара» [СТ, с. 47]. Решительные действия опять пришлось предпринимать Паинда-хану (он находился тогда в Кандагаре, вместе с Абдулла-ханом Нурзаем, Каду-ханом Баракзаем и Яр Мухаммад-ханом Садозаем, при семилетнем наместнике, старшем

сыне Шах Замана принце Кайсаре). При этом, как считает автор «Тарих-и Султани», Паинда-хан руководствовался следующими соображениями: «Отец мой душой и сердцем стоял за царствование Ахмад-шаха и Тимур-шаха. Я тоже должен, следуя стопами отца, порадеть за царствие Шах Замана» [ТС, с. 163]. Паинда-хан взял с собой принца Кайсара и, дав бой войску Хумайуна, нанес ему поражение. Но тут, согласно «Тарих-и Султани», произошло следующее: в угаре победы, преследуя отступающих и грабя обоз, забыли о маленьком Кайсаре. Хумайун, увидев, что племянник его брошен в одиночестве, подскочил и, собственноручно нанеся ему тяжелую рану, схватил его. Произошедшее резко изменило исход битвы: воины Паинда-хана отступили, сам он с группой сардаров направился в Пешавар, а Хумайун вступил в Кандагар [ТС, с. 164].

«Сирадж ат-таварих» добавляет к этому бесхитроственному рассказу важные психологические подробности. Во-первых, окружавшие Кайсара люди не решились не то что поднять руку на старшего внука Ахмад-шаха, но даже как-либо воспрепятствовать ему, и попросту разбежались. Во-вторых, «жестокосердный и безжалостный» Хумайун был *пристыжен* своим сыном Ахмадом, который, «с глазами, полными слез», якобы воскликнул: «Ранить маленького ребенка, Вашего родного племянника, почти что Вашего сына! Это так бесчеловечно и стыдно!» Хумайун *оправдался* тем, что был во власти гнева, спешился, взял малыша на руки, поцеловал его и препоручил хирургу, чтобы тот «смазал его раны целебной мазью» [СТ, с. 48].

Хумайуну удалось, как он полагал, заручиться поддержкой сильного предводителя нурзаев Ахмад-хана, имевшего славу отличного воина²⁰. Поэтому, когда Шах Заман начал против него марш из Кабула во главе мощной армии, Хумайун поставил Ахмад-хана Нурзая командующим авангардом. Ахмад-хан, как и следовало ожидать, тут же перешел на сторону войск, возглавляемых сардаром Паинда-ханом, а Хумайун и немногие преданные ему люди бежали, на этот раз к принцу Махмуду в Герат. Шах Заман потребовал от Махмуда выслать Хумайуна, и хотя тот попросил освободить его от выполнения этого требования, Хумайун не стал дожидаться грозного явления Замана и вновь бежал в Белуджистан, а оттуда в Мултан (впоследствии он был схвачен хакимом Леяха Мухаммад-ханом, ослеплен, по приказу шаха, его पिшхедматом Хасан-ханом Кызылбашем и доставлен в Бала Хисар) [СТ, с. 49]²¹. Шах Заман оставил Кайсара в Кандагаре, а сам вернулся в Кабул, чтобы отправиться далее на восток — в Индию.

В своих рассуждениях о политике Шах Замана, о его достижениях и ошибках исследователи этого периода афганской истории, как правило, не обходят молчанием его настойчивое стремление повторить путь деда и утвердить афганское господство в Индии. Г. Беллью: «Он намеревался воскресить быстро вянущую славу Дуррани обращением к богатым сокровищницам Индии...» [Bellew, p. 30]. П. Сайкс: «Заман-шах не мог удержаться от того, чтобы зря тратить силы на попытки поспорничать с дедом по части завоеваний в Индии» [Sykes, p. 373]. С. К. Риштия: «...у Заман-шаха были грандиозные планы: он хотел воссоздать империю Ахмад-шаха Дуррани...» [Риштия, с. 35]. А. А. Кух-

зад: «Он был так вовлечен в этот проект, что не мог думать ни о чем, кроме этой идеи. Если возникало что-нибудь, уводящее его в сторону от этого проекта, он всегда жертвовал этим ради того, что составляло смысл его жизни. Не проходило и года, чтобы он не думал и не планировал, как бы ему продвинуться как можно далее на восток от Лахора» [Kohzad, p. 4].

По М. Эльфинстону, Заман-шах намеревался совершить поход в Индию (имея в виду Лахор и «как можно далее на восток») еще в 1793 г., когда он в первый раз прибыл в зимнюю резиденцию в Пешаваре, но отказался от этих планов в связи с описанным выше мятежом шахзада Хумайуна. Тем не менее ему удалось тогда навести относительный порядок в Кашмире, наиболее доходной провинции империи, и в Синде, который он посетил лично, заставив местных *миров* выплатить ему два миллиона четыреста тысяч рупий в качестве дани [Elphinstone, p. 310].

В конце 1795 г. Шах Заман впервые вторгся в Пенджаб — некогда неотъемлемую часть Дурранийской империи, которая стала выходить из повиновения уже при Тимур-шахе и где теперь «сикхи раздули пожар мятежа и стали проявлять непослушание» [СТ, с. 49].

До этого времени царствование Шах Замана продвигалось весьма успешно. Уже казалось, что никто более не претендует на престол; власть шаха распространилась на всей территории, доставшейся в наследство от отца. «Король был активен и предприимчив, — писал современник, — а его возможности казались достаточными для того... чтобы избежать ошибок отцовского правления и поправить дела Дуррани...» [Elphinstone, p. 311]. Легкий на подъем, энергичный, воинственный, полный сил и планов, Заман казался прямой противоположностью своего отца — чревоугодника и сластолюбца. И в самой стране, и за ее пределами имя Шах Замана пользовалось доброй славой. Азизуддин В. Фуфалзайи приводит такие принятые при дворе титулы Заман-шаха, как «Император эпохи» (شاهنشاه زمان), «Знаменосец ислама» (دار اسلام), «Ахмад-шах Второй» (احمدشاه ثانی), «Величайший из справедливейших» (اعظم الاعدلين) и даже «Наполеон Востока» (ناپليون مشرق), и замечает: «Заман-шах подтвердил, что избрание его престолонаследником действительно пошло на пользу этой стране и поддержало ее престиж. Заман-шах продемонстрировал в глазах истории высокие достоинства и самоотверженность», «единственный среди сыновей Тимур-шаха показал себя как патриот, защитник ислама, борец за свободу» [ТШД, т. 1, с. 293]. Воинственные намерения Заман-шаха, к тому же получавшего послания с просьбой о помощи от мусульманских правителей Северной Индии²², сами слухи о готовящемся афганском вторжении в Индию «так встревожили Совет директоров Ост-Индской Компании, чьи владения и власть к тому времени приблизились к Дели... что они тотчас снарядили миссию ко двору Каджаров... дабы использовать персидского монарха как противовес грозным планам Афганца» [Bellew, p. 31]. Вскоре это дало свой результат.

Пока же армия Шах Замана по понтоному мосту форсировала Инд в Аттоке и за три перехода достигла Хасанбдала. Оттуда шах отправил Ахмад-хана Шаханчибаши Баракзая с семитысячным войском

сначала в Рутас, а затем в Дуаба — междуречье рек Джелам и Чинаб. Пока Шах Заман охотился в Рутасе, его командиры вошли в столкновение с сикхами. После каждого успеха афганцев в череде мелких стычек сикхи вновь собирали войско и продолжали сопротивляться. В решающей битве под Гуджратом «из-за слабости дурранийского войска» и несогласованных действий командиров афганцы отступили, впрочем, «не складывая оружия и не оставляя врагу трофеев» [СТ, с. 49]. В начале 1796 г. Шах Заман, вновь разрываемый необходимостью сражения на два фронта, срочно вернулся в Пешавар в связи с известиями о мятеже шахзада Махмуда и вторжении в Западный Хорасан Ага Мохаммад-шаха Каджара (последние Афшары, правившие в Мешхеде, — Шахрох и Надир-мирза, его сын, — формально признавали сюзеренитет Заман-шаха). После занятия Каджаром Мешхеда Шахрох был казнен, а принцы бежали в Гарт. «Это вызвало и негодование, и тревогу Шах Замана. Поначалу казалось, что эти чувства возымеют действие: он вернулся в Кабул, готовый к войне» [Elphinstone, p. 315].

Но воевать пришлось не с персами, а с родным братом. Шахзада Махмуд пошел со стороны Герата на Кандагар с «сильным войском». Быстрым маршем одолев путь от Кабула до Кандагара, Шах Заман без остановки двинулся ему навстречу. Передовые части (со стороны Махмуда — Мухаммад Азим-хан Алькозай, со стороны шаха — Мехр Алихан) столкнулись в местности Хакрез. В ходе жаркой схватки части, преданные Махмуду, обратили шахский авангард в бегство и захватили брошенную при отступлении артиллерию. Подойдя с тыла и увидев такое положение дел, Шах Заман «снял с головы украшенный изумрудами тюрбан с четырьмя султанами, надел простую шапку и, обратив руки мольбы ко дворцу Всевышнего, помолился о победе». Встревоженные тем, что шах, не дай бог, решил бежать, люди свиты осведомились о причине переодевания. Тот ответил: «Это нужно для того, чтобы враг не узнал меня. Не падайте духом, смелее идите в бой!» [СТ, с. 51]. На призыв шаха откликнулись ишикагаси Наваб-хан Алькозай и командиры гуламов-калмаков²³ — Таваккул-хан и Кашан-хан. Их отряды опрокинули воинов Мухаммад Азим-хана, а сам он бежал. Махмуд вернулся в Герат. Местные ханы и сардары заняли двойственную позицию, присягнув сначала Шах Заману, а потом, после его отъезда, — принцу Махмуду. Несмотря на это, Махмуд побоялся играть с огнем и «попросил свою уважаемую родительницу поехать ко двору облеченно-го властью шаха и отвезти его полное смирения прошение о помиловании» (следует учесть, что мать Махмуда была не только вдовой Тимуршаха, но и сестрой сардара Паинда-хана). Привезя Махмуду прошение, мать сказала ему: «Будь доволен той милостью, которую оказал тебе шах, и довольствуйся этим. Не гневи Бога и слушайся шаха!» [Там же]. На какое-то время Махмуд успокоился.

Но Шах Замана по-прежнему тревожила ситуация в Хорасане. С одной стороны, ему хотелось бы видеть в Мешхеде своих вассалов. С другой стороны, он понимал, что на поддержку Каджара, вероятно, рассчитывает Махмуд. Имея стотысячное войско, Заман пустил слух о том, что «поднял знамена усмирения Ага Мохаммад-хана» и намерен идти войной на Иран [СТ, с. 52]. Согласно афганскому источнику, эта

мера вынудила Ага Мохаммад-хана прислать в Кандагар посла — Мохаммад Хосейн-хана Карагезлу Хамадани — с подарками и письмом, содержащим заверения в союзнических чувствах. В присутствии иранского посла Шах Заман принял парад войск и артиллерии, надеясь, что тот потом расскажет Шаху Каджару «о могуществе и великолепии афганцев» [Там же]. Ответное посольство Каду-хана Баракзая отвезло в Тегеран необходимые союзнические заверения.

Теперь, полагал Шах Заман, когда в западных областях государства наведен порядок (он и не думал всерьез драться за Хорасан), можно вновь заняться осуществлением любимого проекта — Большого Индийского Похода. «Государственные мужи, — пишет Файз Мухаммад, возможно имея в виду и сардара Паинда-хана, — не одобряли решение о походе в Индию, пока шахзада Махмуд продолжает сеять смуту». Но Заман надеялся, что после уговоров матери Махмуд не осмелится вновь «вступить на путь противоречия» [СТ, с. 52]. Поход в Пенджаб представлялся более необходимым и потому, что сикхские раджи отказывались платить налоги в афганскую казну и вели себя как независимые правители. Угроза полного отделения Пенджаба от империи волновала внука Ахмад-шаха больше, чем занятие Каджаром Мешхеда. В декабре 1796 г. двадцатитысячный авангард под командованием верного Шер Мухаммад-хана Мухтар ад-Даула выступил из Пешавара с заданием следовать на расстоянии 12 курухов²⁴ впереди основных частей (всего в кампании участвовало, по разным данным, от тридцати до восьмидесяти тысяч воинов Замана. Последняя цифра, очевидно, включает в себя обозную прислугу [Ганковский, с. 144]) и условием, по возможности, не причиняя вреда нивам и пашням. Войско прошло через Атток (перейдя Инд по понтонному мосту), Хасанабдал, Равалпинди, Рутас и форсировало Джелам и Чинаб. Затем Шер Мухаммад-хан совершил марш до Лахора, остановившись в трех курухах от главного города сикхов, на правом берегу Рави. «При виде шахской армии сикхи осознали исходящую от нее угрозу, освободили от своего присутствия дворец Кали и всю область... бежали и укрылись в лесах...» [СТ, с. 52]. Мухтар ад-Даула вошел в город и приказал празднично декорировать его для встречи шаха. 1 раджаба 1211 г. (31 декабря 1796 г.) Шах Заман торжественно вступил в столицу Пенджаба. Хотя жители города не особенно ликовали по этому поводу, Шах Заман не стал их наказывать, «поскольку подобное наказание противоречит науке управления государством», но приказал собрать с них налог — джизью (не будучи в состоянии уплатить налог, несколько индусов покончили с собой). Воины Шер Мухаммад-хана, а также собственные отряды мусульман-помещиков этой провинции сдерживали в окрестностях города нападения партизанских групп сикхов (отрубленные головы мятежников посылались шаху), но всеобщего мародерского разграбления провинции шах не допустил [Там же]. Получив в это время известия об очередном демарше со стороны Махмуда (собравшего к тому времени с помощью Ата Мухаммад-хана Алькозга тридцатитысячную армию, в основном из хорасанцев, и готового штурмовать Кандагар), Шах Заман не решился идти на Амритсар — священный город сикхов (по сведениям автора «Тарих-и Султани», речь шла о походе на Дели [ТС, с. 165]), но и не

ушел сразу из Лахора в ожидании новых вестей с запада. «Сикхи между тем решили, что он прекратил их убивать и грабить по собственной слабости», и собрали несколько тысяч человек в одной из крепостей к западу от Лахора. Мухтар ад-Даула успешно организовал осаду, и сикхи попросили пощады. Все сдавшиеся на милость победителя были прощены при условии выплаты «баджа и хараджа» [СТ, с. 53]. На этот раз сикхи признали себя вассалами афганского шаха (по терминологии «Сирадж ат-таварих», «подчинились фирману»). Шах Заман собрался было пойти в Шах-Джаханабад и усмирить мятежных джатов [Там же], но угроза со стороны принца Махмуда обозначилась столь явно, что он был вынужден вернуться в Афганистан.

Как пишет М. Эльфинстон, занятие Шах Заманом Лахора произвело сенсацию в Индии. Поскольку основные силы маратхов в то время были оттянуты на юг, делийское правительство Набоб Визира было крайне слабым, а большая часть его подданных находилась на грани мятежа, север Индии представлял собой арену беспорядка и анархии, которая «без сомнения, сразу открылась бы Шаху, начни он марш на Дели» [Elphinstone, vol. 2. p. 315—316]. С Заман-шахом как с защитником ислама перед лицом наступающей Ост-Индской компании связывали свои надежды многие индийские мусульмане. И хотя эти ожидания не сбылись в связи с уходом Шах Замана в Афганистан, впечатление осталось надолго. Прошло несколько лет, прежде чем маратхи избавились от страха перед новым «Ахмад-шахом». Еще в 1799 г. англичане послали посольство к Фатх Али-шаху Каджару, пытаясь обезопасить себя от наступления Шах Замана.

16 марта 1797 г. шах был уже в Кабуле. Скорое возвращение его помешало шахзада Махмуду занять Кандагар. Его командующий Ата Мухаммад-хан был по приказу шаха убит тайно подосланным человеком. Махмуд вступил с братом в переговоры и просил возобновить выплату ему ежегодной субсидии в двести тысяч рупий, ссылаясь на то, что размер был установлен еще Тимур-шахом, и вернуть все долги по субсидии. Заман обещал восстановить выплату субсидии, но категорически отказался выплатить долги. Поторговавшись и не придя к согласию, братья были вынуждены продолжать войну. Передовые части начали многодневное сражение под Фарахом. Когда шах прибыл в Фарах (М. Эльфинстон пишет, что марш из Кандагара в сторону Фараха шах начал 8 сентября 1797 г.), исход противостояния был неясен. Но вскоре содействием коменданта Герата Калидж-хана и ряда сардаров армии шахзада Махмуда, перешедших на сторону шаха (щедро их за это наградившего), позволило назвать имя победителя. Махмуд чудом выбрался из тюрьмы, в которую его заманили изменники, и бежал вместе с братом Фирузудином, сыном Камраном и всем семейством сначала в горы, а оттуда — уже во время правления Фатх-Али-шаха — в Мешхед и далее в Тегеран. Там его любезно приняли и даже дали ему имение с приличным доходом.

В это время (февраль—март 1798) Шах Заман находился на востоке своих владений, формально — по просьбе одного из изгнанных англичанами мелких индийских владетелей, действительно же — по причине активизации сикхов, «вернувшихся из своих укрытий» [СТ,

с. 55]. При известии о приближении афганской армии во главе с шахом раджа Махабат Сингх без промедления бежал в горы («گریخت» «بطرف جبال سوادک» [ТС, с. 167]. Наладив, как он полагал, управление в Кашмире и Пенджабе и зная, что теперь пришлось бы иметь дело с англичанами, Шах Заман не решился идти далее в Индию и вернулся в Кабул.

Здесь ему пришлось предпринять еще один поход к Герату, к тому времени осажденному шахзада Махмудом, войско которого составляли в основном иранские подданные. Положение осложнялось тем, что шиитское население города поддерживало осаждавших. Благодаря хитрости Мухаммад Заман-хана, регента при малолетнем наместнике принце Кайсаре, иранские командиры были оклеветаны и в решающий момент увели свои отряды от Герата, а перепуганный их мифической изменой Махмуд бежал в Бухару [СТ, с. 58]. Тут вновь пришло неприятное известие, на этот раз из Пенджаба: сикхи во главе с Махабат Сингхом убили губернатора Пенджаба Ахмад-хана Баракзая и завладели Лахором. Шах Заман немедленно выехал в Кабул, причем пока обоз тащился через Кандагар, сам он добирался горными дорогами через Хазарджат и Бамиан [СТ, с. 59]. 24 октября 1798 г. он выступил из Пешавара и без задержек прибыл в Лахор.

Жизнь Шах Замана, таким образом, складывалась из периодических походов то на восток, то на запад слабеющей империи. Он все еще не терял надежды на то, что ему удастся отстоять державу в прежних границах. Посылал чиновников для сбора налогов с Кашмира, Синда, Мултана [СТ, с. 55]. Ставил хакимов в отдаленные от центра провинции, оставлял им боеспособные отряды дурраниев, хаттаков, бангашей, юсуфзаев [СТ, с. 53, 56]. С помощью Шер Мухаммад-хана обеспечил вассалитет белуджского хана Махмуда [СТ, с. 49]. При известии о гибели Ага Мохаммад-хана Каджара немедленно велел тому же Шер Мухаммад-хану отвезти в Мешхед Аббас-мирзу и Надир-мирзу Афшаров и «утвердить их на троне айалата», разумеется, в качестве своих вассалов [СТ, с. 55]. Обеспечил, казалось, лояльность чараймаков, хазарейцев, тайменей [Там же].

В 1212 г. хиджры (1797/1798) Шах Заману исполнилось тридцать лет. Даже если учесть, что для приведенных выше титулов Заман-шаха характерна обычная восточная подобострастность, они все же отражают представление об идеальном правителе, каким хотел бы себя видеть Заман-шах. Он очень старался править достойно, в соответствии с принятым кодексом чести. «Всякому пострадавшему он возмещал подобающим образом, наказывал и правил по справедливости. Тиранам резал животы и вырывал ноздри — можно сказать, вел себя соответственно нраву своего народа» [СТ, с. 57]. (Например, как говорится в том же источнике, в 1797 г. в Гуджрате «разорвал животы четырем дурраниям за мародерство в деревне сейидов» [СТ, с. 53].) К царствованию Шах Замана можно отнести и следующее свидетельство М. Эльфинстона об относительной терпимости афганских правителей к своим подданным: «Афганское правительство всегда проявляло большую степень выдержки в отношении своих подданных, зависимых государств, даже врагов. Оно нестрого в отношении наказаний, и его мягкость особенно бросается в глаза в сравне-

нии со свирепостью персов. Для него вполне обычно при подавлении бунта не учинить ни одной казни; наказания, если случаются, падают лишь на головы главарей. Распространенное у персов ослепление или калечение простых людей здесь неизвестно... Использование пыток пришло от персов... но *лишь при Махмуд-шахе* [курсив наш] они стали широко применяться» [Elphinstone, vol. 2, p. 248]. Можно было бы сказать, что народная память сохранила о нем добрую память — как о последнем великом Садозае, — если бы не тень печальных обстоятельств, приведших к трагической развязке. Речь идет о так называемой «роковой ошибке Заман-шаха».

Таковой ошибкой явилось назначение вазиром — первым министром — некоего Рахматулла-хана Садозая из рода Камранхель, в начале своей карьеры, когда Шах Заман взял его ко двору, при том что он был всего лишь «хорошо сложенным юношей с красивым почерком» [ТС, с. 168]. Не проявляя особого усердия на службе, угодливыми манерами и остроумными шутками он завоевал полное доверие своего господина и спустя какое-то время стал поверенным во всех государственных делах и первым министром с титулом «Вафадар-хан» («Преданный»), по сути отстранив от власти «эмира эмиров» сардара Паинда-хана Баракзая, поначалу его недооценившего (другие вельможи говорили Сарафраз-хану: «Ты можешь не подпускать Рахматулла-хана к шаху? А то ведь намучаешься из-за него!» Сардар смеялся: «Что он мне сделает?» [Там же]). По словам М. Эльфинстона, «он использовал свое доминирующее влияние для того, чтобы отстранить от власти Сарафраз-хана и всех виднейших военных и гражданских чинов. Похоже, что он прекрасно знал характер своего хозяина, который при всей своей гордости и властности был падок на лесть и который при всей своей активности и предприимчивости не имел терпения или внимания для вникания во все детали предприятия» [Elphinstone, vol. 2, p. 312—313]. Само возвышение Вафадар-хана и особенно его последующее поведение («На всех эмиров, а особенно на сардара Паинда-хана, он смотрел с презрением, никого не признавал, ничьих слов не слушал...» [СТ, с. 59]; «Он был тщеславен и высокомерен по отношению к тем, кто мог претендовать на равенство с ним, ревновал к любому, кто пытался соперничать с ним за власть или монаршее расположение; но его надменность и самоуверенность были равны трусости, проявляемой им в мгновения личной опасности, — обстоятельство, вызывавшее у всех еще большую неприязнь» [Elphinstone, vol. 2, p. 313]) вызвали резкое негодование не только афганской, но и кызылбашской знати, чьи позиции в начале правления Шах Замана были очень сильны. Был организован заговор²⁵ с целью убийства Вафадар-хана, низложения Шах Замана и возведения на престол его младшего брата Шуджа ул-Мулка. Раскрытие заговора повлекло за собой казнь шестерых заговорщиков, среди которых был и Паинда-хан (1799). Казнь Паинда-хана Заман лишил себя и мудрого советчика, и храброго воина, и поддержки народа. Отныне весь Баракзайский род, и прежде всего многочисленные сыновья Паинда-хана стали злейшими врагами Шах Замана, а персоязычное население Кабула не смогло простить ему казни своего вождя Амир Арслан-хана Джаваншира.

Странная «слепота» Заман-шаха, доверившего государственные дела столь неавторитетному человеку (к тому же, в нарушение всех традиций, принадлежавшему к одному с ним роду) может быть объяснена тем, что Заман-шах сам хотел ослабить влияние лидеров племен и модернизировать государственную систему. Мечась с одного фланга державы на другой, он нуждался в сильном центре, стабильном внутреннем положении, но не хотел более делать ставку на вождей племен, которые в любой момент могли ему изменить. Разумеется, Паинда-хан ощущал себя в первую очередь вождем Баракзаев, а уж потом «афганским государственным деятелем». Предубеждение Замана против племенных вождей оказалось для него роковым.

Последние дни царствования Шах Замана описываются в «Сирадж ат-таварих» [СТ, с. 61—62] на основе рассказа Шаха Шуджа из его собственных мемуаров: преследуемый армией шахзада Махмуда и Фатх-хана (старшего сына казненного Паинда-хана), покинутый Ахмад-ханом Нурзаем, Шах Заман поспешно отошел от Мукура в Кабул, а оттуда направился в Пешавар к своему брату Шуджа ул-Мулку, чтобы с его помощью собрать армию и дать бой Махмуду. В дороге почувствовал усталость и попросился на ночлег в кала (маленькую крепость) некоего Ашика из племени шинвари. Тот принял его как подобает принимать государя, но когда государь лег почивать, запер ворота крепости и поставил вокруг охрану из двухсот соплеменников. Охрана шаха, вероятно, сразу была перебита. Не дожидаясь рассвета, Ашик отправил сына к шахзада Махмуду, а тот выслал отряд во главе с одним из сыновей покойного сардара Паинда-хана, Наваб Асад-ханом. В это время гонец доставил весть о пленении шаха принцу Шуджа ул-Мулку. Немедленно был отправлен сардар Абдулкарим-хан Исхакзай с сотней всадников, но не успел. Шах Заман был схвачен, доставлен к Махмуду и ослеплен раскаленным железом. Махмуд «взошел на престол султаната» [ВШШ, с. 3].

При первом правлении Шаха Махмуда (1801—1803) ослепленный и низвергнутый Шах Заман находился в Бала Хисаре и содержался строго. Когда власть перешла к Шаху Шуджа, он был освобожден и стал заметной фигурой при дворе своего родного брата, а когда в 1809 г. тот был низложен, уехал вместе с ним в Индию. Затем вернулся в Кабул, где на этот раз жил в почете, поскольку в свое время отсоветовал Шаху Шуджа ослепить Махмуда. Получил разрешение посетить святые места — Балх, Бухару, Мешхед. Из Мешхеда проследовал в Тегеран, где прожил 4 месяца и был приветливо встречен Фатх Али-шахом. Затем посетил Мекку. После завершения хаджа поселился в Индии и жил на английскую пенсию. Скончался в 1260 г. х. (1844).

Он сам сказал: «Такие повороты — обычный удел королей...» [Elphinstone, vol. 1, p. 104].

Примечания

1. Садозаи-хан-хель (ханский род) дуррани (до 1747 — абдали), крупнейшего западно-афганского племенного объединения. К этому роду принадлежал Ахмад-шах (1747—1773), поэтому династия шахов Дуррани часто называется династией Садозаев.

2. Сардар (при первоначальном значении «глава», «предводитель», «полководец») — титул афганской знати, приблизительно переводимый как «князь».

3. Баракзай — одно из дуранийских племен, соперничавшее с садозаями. Главы этого рода — Хаджи Джамал-хан, его сыновья Рахимдод-хан и Паинда-хан и внук Фатх-хан — последовательно занимали высшие государственные посты в империи Дуррани. Из баракзайского рода мухаммадзай впоследствии вышла династия афганских эмиров.

4. Исхакзай — одно из дуранийских племен.

5. Юсуфзай — одно из крупнейших афганских племен. Поддержка юсуфзаев (существенно, что не одних лишь дурраниев) была фактором в пользу Шах Замана, а впоследствии — Шаха Шуджа.

6. Паинда-хан Баракзай получил от Тимур-шаха лакаб (почетное прозвище, титул) «Сарафраз-хан» («Возвеличенный») за содействие Тимур-шаху Дуррани в ликвидации мятежа дурраниев.

7. Амин ул-Мулк (Облеченный доверием царства) — титул и придворная должность, приравниваемая к должности министра внутренних дел и министра земледелия [ТШД, т. 2, с. 331]. Нур Мухаммад Бабури занял эту должность в конце правления Тимур-шаха, когда стал тестем принца Шах Замана [Там же, с. 332].

8. ТС, с. 161. Мир Аслан-хан Джаваншир и Джафар-хан — лидеры кызылбашского (и, в широком смысле, всего персоязычного) населения Кабула в конце правления Тимур-шаха. Преимущественно иранское по происхождению наемное войско (*гулам-хана*) играло роль личной гвардии Тимур-шаха (и затем Заман-шаха) [История... с. 5—7]. В Кабуле кызылбаши компактно проживали в районе Чандавул.

9. Ср. в «Зиб-и тарихха»: «Высокородные царевичи создали амиров, богословов и ученых... и начали держать совет. Они сказали, что стране нужен правитель. Некоторые заявили, что право на царствование принадлежит царевичу Хумайуну, так как государь... еще при жизни своей назвал его наследником престола... ибо он является старшим сыном покойного государя. Другие же амиры, враги и недоброжелатели царевича Хумайуна, сказали: „До его приезда страну постигнет разруха. Лучше всего посадить на трон какого-нибудь из царевичей как наместника, чтобы до приезда царевича Хумайуна держава не распалась...“ Царевич Аббас, царевич Айуб и другие царевичи не одобрили это мнение [и сказали]: „Мы никого не посадим на престол, разве только изволит прийти наш старший брат и сядет на трон вместо отца, так как право наследства принадлежит ему“ Царевич же Заман предпочел молчать и не дал решительного ответа. Вероломные амиры, недоброжелатели царевича Хумайуна, тайно пришли к царевичу Заману, сговорились с ним, присягнули на верность ему и посадили царевича Замана на престол государства, а остальных царевичей хитростью, обманом и клятвами отправили в Бала-Хисар» [ЗТ, с. 55].

10. Хумайун был назначен наместником (*вали*) Кандагара в 1186 (1773) г. в возрасте 9 лет и в течение всего правления Тимур-шаха жил в Кандагаре в качестве «принца Кандагарского».

11. Расправа шаха Махмуда над своим бывшим вазиром — сыном Паинда-хана сардаром Фатх-ханом вызвала возмущение не одних только баракзаев, но всех афганцев. Армия шаха Махмуда фактически разбежалась, а власть в Пешаваре, Кабуле и Кандагаре перешла в руки «Баракзайских братьев», правивших в этих областях независимо друг от друга. При условии, что Герат остался за Махмудом (Садозаями), Афганистан в 1818 г. фактически распался на четыре отдельных владения.

12. Мехр (Михр) Али-хан — племянник (сын брата) Мадад-хана Исхакзая, главнокомандующего Тимур-шаха в середине его царствования, глава исхакзаев во время означенных событий. Отличившийся в нескольких крупных сражениях, он получил высокую придворную должность старшего конюшего («мирахур»). Был муридом шейха Шах Иззатулла Муджаддали Фаруки Накшбанди [ТШД, т. 2, с. 382]. Ср. в [ЗТ, с. 71—72]: «Ночью вероломный Михр Али мирахур // дал в сердце дорогу пустым мыслям и порочным намерениям, и проклятый дьявол стал его помощником. Он вспомнил, что еще при жизни государя Тимура, место которого в раю, он заключил договор с Заманом... Он подумал про себя, что если государь Хумайун пожалует сюда, то дорога к бегству будет преграждена, а сейчас представляется удобный случай уйти отсюда со своим племенем. Утром тот неверный, неучитывый и вероломный, забрал всех своих соплеменников, по своей неблагодарности стал непослушным, покрыв себя вечным позором. Дьявол сбил его с пути, он стал кричать, что пришел с большим войском из Шахабад-

дина и намеревается воевать. Благодаря этой хитрости и уловке он выбрался из армии царевича и пустился бежать, и бежал до тех пор, пока не добрался до армии шаха Замана». «Шах Заман счел приход мирахура хорошим презнаменованием и обрадовался».

13. Правитель Белуджистана Насир-хан Балуч признавал себя вассалом дурранийских шахов на условии поставки воинского контингента (5—6 тысяч всадников) в афганскую армию. См. в «Сирадж ат-таварих» о заступничестве Насир-хана за Хумайуна: «Султанского престола достигло рабелепное и подобострастное прошение Насир-хана, содержащее слова заступничества за шахзада Хумайуна. Тот писал: „Хотя царевич и пустил по ветру свое достоинство и утратил лицо из-за подстрекательства своих приближенных, он явился в дом нижайшего слуги Шаха в поисках покровительства. Не отказываясь от его отправления к Высокому Порогу, [раб Вашего Величества полагает], что, учитывая его нижайшую просьбу о прощении, это могло бы повредить славе о [Вашей] человечности“. В «Зиб-н тарихха» весьма подробно описаны обстоятельства пребывания Хумайуна в Белуджистане, особая позиция Насир-хана, который являлся на прием к Хумайуну, угощал и одевал его как положено, но при этом заявлял: «Я не подниму меча против государя Замана» [С. 87—89]. Насир-хан не мог ни выступить против своего сюзерена, каковым он считал Шах Замана, ни выдать ему Хумайуна, что было бы, по его мнению, *бесчестно* [Там же, с. 90].

14. «Имея за спиной Махмуд-мирзу, губернатора Герата, Заман-шах заключил временное перемирие, так как не желал оставлять столицу на время длительной военной кампании» [Sykes, p. 370].

15. *Теймури* — этнос иранского происхождения, населявший западные районы Гератской области (Сабзевар, Гуриан).

16. Понятие *ارحام* (архам) означает не просто родственников, но родственников по матери, т. к. *رحم*) = «матка». Однако Заман и Махмуд не были единоутробными братьями, и их вражда была достаточно традиционной для потомков полигамного брака. Отметим желание Файз Мухаммада представить Шах Замана в выгодном для него свете.

17. Шер Мухаммад-хан, носивший титулы Ашраф ул-Вузара ('Благороднейший из визирей') и Мухтар ад-Даула ('Уполномоченный государства') во время правления Шах Замана был сыном Шах Вали-хана, вазира Ахмад-шаха, казненного Тимур-шахом за поддержку другого сына Ахмад-шаха — Сулеймана — в его притязаниях на престол. Как пишет Файз Мухаммад, Шах Заман вернул его из изгнания и снял с него опалу, в которой тот пребывал со дня казни отца [СТ, с. 46]. Шер Мухаммад-хан был одним из наиболее преданных сотрудников Шах Замана. «После кончины отца он стал бродягой и скитальцем. Шах придал ему храбрости и возвысил его, так что он уезжал в Белуджистан, будучи уже всецело преданным шаху» [ТС, с. 163].

18. «Сейид Худадад Алави, из сейидов Фушенджа» [ТС, с. 163].

19. «...после серии приключений преуспели в собирании нерегулярной армии» [Elphinstone, vol. 2, p. 311].

20. Ахмад-хан со своим войском, в котором были не только нурзай, но и воины из других дурранийских племен, сразился с войском Хумайуна и потерпел поражение. «Сам Ахмад-хан был дважды ранен... и бежал с поля боя. А бежал он потому, что большинство его соратников принадлежали к знати дурранийских племен и были соплеменниками приверженцев шахзада... Он проскакал шесть курухов, но потом из-за потери крови потерял сознание и рухнул с коня на землю. Его подобрал и отнес к себе один дервиш, по имени мулла Хасан... На следующий день [шахзада Хумайун] узнал о пребывании сардара Ахмад-хана в доме того муллы и потребовал привести его. Он было приказал его казнить, но потом, благодаря заступничеству кандагарских сейидов, улемов и факиров, помиловал. Тот выразил покорность принцу, якобы в благодарность за милость, а на деле из страха за свою жизнь...» [СТ, с. 48].

21. Когда Хумайун бежал с поля боя, а Кандагар еще оставался в руках его приверженцев, супруга сардара Панида-хана (которая сохранилась в народной памяти афганцев как Лоя Аде — «Великая Матушка» [Риштия, с. 34]) самолично села на коня и, вызволив из тюрьмы принца Кайсара, «посадила его на трон правления» [Там же].

22. См., напр., в СТ: «В это время шах получил от Е[го] В[еличества] Шах Алам Али Гоухара, сына Е[го] В[еличества] Азизуддин Аламгира Второго письмо с приглашением Е[го] В[еличества] Шах Замана прибыть в Дели...» [СТ, с. 50].

23. *Калмак* = калмык (джунгар, ойрот). Калмыки были приведены в Кабул и включены в корпус гулам-хана в царствование Тимур-шаха.

24. 1 курух равен приблизительно 3 км.

25. Возможно, что заговор был сфабрикован Вафадар-ханом или еще кем-то с целью компрометации Паинда-хана. См.: [Риштия. С. 37; Ромодин. С. 145].

Литература

- Elphinstone: *Elphinstone M.* An Account of the Kingdom of Caubul. In two volumes. [Oxford in Asia. Historical Reprints] Oxford University Press. Karachi; London; New York, 1972. Vol. 1—2.
- ТС: *Султан Мухаммад-хан Дуррани. Тарих-и Султани.* Бомбей, 1298 (1880—1881).
(تاریخ سلطانی خان عالیشاہ سلطان محمد خان ابن موسی خان درانی، ۱۲۹۸ هجری).
- ТШД: *Азизуддин Вакили Фуфалзайи.* Тимур-шах Дуррани. Кабул, 1346 (1968).
(عزیز الدین فوفلزائی، تیمور شاہ درانی، طبع دوم، ۱۳۴۶، جلد اول).
- СТ: *Файз Мухаммад.* Сирадж ат-таварих. Т. 1. Кабул. 1331 (۲، ۱ جلد، فیض محمد، سراج التواریخ، جلد ۱، ۱۳۳۱).
Ромодин: *Массон В. М., Ромодин В. А.* История Афганистана. М., 1965. Т. 2.
- Sykes: *Sykes P.* A History of Afghanistan. L., 1940. Vol. 1.
- Риштия: *Риштия Сеид Касем.* Афганистан в XIX в. / Пер. с перс. Л. И. Дорофеевой и др. М., 1958.
- Kohzad: *Kohzad Ahmad Ali.* Men and Events (through 18th and 19th century. Afghanistan) [Kabul], 1967.
- История...: *История вооруженных сил Афганистана.* М., 1985.
- Bellew: *Bellew H. W.* Afghnistan and the Afghans. [First published 1879, Reprint 1982 Dehli].
- ВШШ: *Вакеат-и Шах Шуджа.* Кабул, 1333 г. х. / Изд. Исторического о-ва Афганистана; Под ред. А. А. Кохзада. (واقعت شاه شجاع، ۱۳۳۳ ش).
- ЗТ: *Хусайн Али.* Зиб-н тарихха (Украшение летописей) / Пер. с перс., введ. и примеч. Г. А. Волошиной. Ташкент, 1965.
- Ганковский: *Ганковский Ю. В.* Империя Дуррани (Очерки административной и военной системы). М., 1958.